

ИДЕЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ: МИФ - НАУКА - УЧЕБНИК.
ФЕЛЬЕТОН НА ТЕОРЕТИЧЕСКУЮ ТЕМУ*

Н.В. Брагинская

Мысль о том, что жизнь человеческих поколений представляет собою не однородную длительность, а распадается на какие-то качественно различные части, гораздо древней исторической науки. Деление временной длительности на зоны, золотой, серебряный, медный и прочие века, на царства различных богов и тому подобное - это идея предисторическая, связанная с мифологическим представлением о периодической гибели и возрождении космоса, гибнущем в огне или потопе, подобно тому как ежесуточно гибнет и возрождается дневной свет, а еже-

*Статья частично опубликована в: *Indiana Slavic Studies*. 1996. Vol. 8.

® Н.В. Брагинская

годно - растительность. Идея временного движения вырастает из соположения пространственных космогонических образов, условно говоря *неба* и *земли*, или *мира* и *войны*, или *времени* и *невремени*, или *правды* и *кривды*, первоначально представляющих собою единый "еще не разделенный" космос "неба-земли". Сама календарность истории, т.е. привычка к астрономической мере года, и тем самым сопряжение человеческой истории со звездами и светилами, с космосом и вселенной, имеет неискоренимую связь с происхождением идеи *периода*, коренящейся в космогоническом мифе¹.

Повествования, которые современная наука называет раннеисторическими, как правило, опираются на периодизацию по поколениям или царствам, что также предполагает отмеривание истории некоторым природным, естественным циклом: в случае с поколениями начало периода совпадает с рождением человека, в случае с царством - конец совпадает со смертью. И профессиональные историки по сей день по-прежнему всем периодизациям предпочитают такую: зарождение-расцвет-упадок чего бы то ни было. Это настолько привычно, что мифологичность подобной идеи перестала бросаться в глаза, а между тем, только в рамках мифологической концепции гибели и возрождения космоса не требуется объяснений тому, как это после упадка, гибели и разложения что-нибудь вообще может начаться, причем с той же неизбежностью, с какой выпадают и заменяются новыми молочные зубы. Если забыть, что это историк знает, какие события исторические, а какие - нет, если рассуждать обывательски, то можно догадаться: упадок был не во всем. Упадок был в том, что Периодизатор счел признаком (или системой признаков) конститутивным для некоего рождающегося, расцветающего и гибнущего исторического *организма*. Иными словами, своей периодизацией историк описывает жизнь каких-то важных для его концепции вещей, при этом изымая их - всегда неизбежно, но не всегда осознанно — из толщи исторического потока². Не

¹ В неопубликованной монографии О.М. Фрейденберг «Семантика композиции "Трудов и дней" Гесиода» (одна глава под названием "Утопия" опубликована в "Вопросах философии", 1990, № 5) анализируются космогонические мифы, говорящие о двух началах, рождающих затем идею смены. Это миф о двух Эридах - доброй и злой, и более древней Эриде, которая головой упирается в небо, а ногами в землю, где Эрида столько же небо, сколько и земля; это архаичные "по типу" египетские, а также орфические и гностические космогонии, в которых мир рождается цельным, а впоследствии разделяется на части. При этом фольклор сохраняет и пространственную соположенность двух "фаз", как пространственных сущностей, например, Злограда и Доброграда или Евсе-беса и Махима у Феоомпа, и одновременность существования небесного и земного града, но в разных, так сказать, пространствах, и смену одного града-века другим.

² Одна из первых европейских периодизаций - Гесиодова, имеющая, несомненно, древневосточные корни, замечательна для нас тем, что мы хорошо видим глубоко личные причины выделения границы века и определения его качества. Концом времен для Гесиода стало решение в пользу брата спора о наследстве. Заметим, однако, а это отмечают нечасто, что Гесиодов *конец времен* совпадает с периодом, в который для исслб" дователей античной Греции *рождается* греческое чудо: где для "нас" начало пути вверх, для него - предел падения.

востребованный на конструирование *периода* исторический материал разносится по двум классам: пережитки прошлого и ростки, эмбрионы будущего, а мифологизм проглядывает в таких привычных словесных оборотах, как например, "вызревание будущей эпохи в недрах (чреве) настоящей" и т.п.

Разумеется, историки в принципе (т.е. на словах и в ответ на прямой вопрос) признают условность периодизаций. Само наличие разных членений одного и того же хронологического отрезка, казалось бы, ясно свидетельствует о периодизации как способе упорядочивания материала, а не существования самой исторической жизни. Но если бы эта совершенно тривиальная мысль не имела тенденции исчезать с умственного горизонта, научные дискуссии велись бы о том, какая периодизация удобней для тех или иных целей, а не о том, какая истинна.

На онтологизацию периодов (т.е. на придание им статуса объектов реальности) работают две вещи; они разномасштабны и разнохарактерны, но каждая умножает действенность другой.

Во-первых, даже самая частная периодизация, как правило, молчаливо предполагает существование некоего макропериода, а в неопределенно дальней перспективе - конца и цели человеческой истории и культуры. Не только приснопамятная пятичленная последовательность общественно-экономических формаций предполагает эту направленность к цели. В той или иной мере признак прогрессивности/реакционности как мерило оценки исторических событий присущ и не столь откровенно эсхатологическим концепциям исторического развития, как марксистская. Оценка с точки зрения *развития* или *развитости* чего бы то ни было превращает даже самую частную периодизацию, всякое отнесение явления "еще" к той или "уже" к этой эпохе из условного способа представления исторического материала в мировоззренчески, ценностно нагруженный акт. Так периодизация оказывается неизбежно замкнута на смысл истории.

Во-вторых, периодизация используется в учебных целях. Преподавание предполагает поэтапность усвоения материала и наличие общей схемы последовательности во временном потоке. Первичная историческая грамотность сводится к усвоению этих кем-то до нас и для нас расставленных вех. Однако строительные леса и подпорки учебного процесса обладают способностью подменять собою содержание исторического знания.

Широко распространена исключительно вредная привычка изучать искусство и культуру, духовную жизнь и умонстроения какого-нибудь по счету *века*. Не думаю, что цех историков и вообще гуманитарное знание захочет от нее избавиться. Между тем, оперирование веками приводит и к мышлению веками, "век" становится из астрономической меры содержательной категорией. Век, столетие, абстрактная мера времени, воспринимается как реальность, а самой исторической жизни предлагается укладываться в эту не имеющую к ней отношения меру. Только из такой ситуации понятны рассуждения о том, что IV век

совсем-де не то, что III, и полемические высказывания типа: "XVII век в живописи закончился к 70-м годам", т.е. умерли все крупные художники или знаменитое: "XX век начался в 1914 г." Эти изречения, вернее, признаваемая за ними острота, указывают на особые умственные усилия, необходимые чтобы помнить очевиднейшую вещь: исторические процессы не синхронны стократному обращению Земли вокруг Солнца.

При десятичной системе счета век выступает как отрезок самый удобный в учебных целях. Разумеется, для хорошо документированных времен. Когда речь идет о глубокой древности, то ее сподручнее делить на тысячелетия. При наших привычках счета легче всего было бы "учить" историю, кабы она делилась на тысячелетия, тысячелетия еще пополам, а там уже "по векам". Если взглянуть на грубый очерк школьной периодизации европейской истории, то в ней проступает тяготение к опоре именно на такое деление. V в. до н.э. - классическая древность, рубеж эр - христианство, новая, христианская античность, V в. н.э. - гибель античного мира на Западе; средневековая и византийская история занимают по тысячелетию, XV в. - акме Возрождения и гибель Византии, а XX в., новейшее время, любит кокетничать эсхато-логизмом в параллель эсхатологическим настроениям рубежа II тысячелетия. Простершиеся на тысячу лет средние века - результат прискорбной пристрастности гуманистов: все время между собой и возрождаемой античностью они отнесли к промежутку. Средние века по смыслу слов - века промежуточные, вглядываться в этот провал, историко-культурное зияние, выделять в нем этапы и периоды неинтересно. С этим связано долго державшееся представление о "темном" средневековье, хотя "темнота" характеризовала здесь скорее состояние исследователя. Сходна ситуация и с "неподвижной" византийской историей. Вне среды собственно византинистов и медиевистов гигантские размеры тысячелетнего "неудобного" периода способствовали отношению и к средним векам и к византийской истории как к чему-то схожему с медлительной "ископаемой" архаикой, где тоже счет идет на тысячелетия. Но и специалисты стремятся сократить с того или другого конца эти непомерно долгие средние века. В результате собственно средневековьем, периодом со своим лицом и характером, а не свалкой всего постантичного или предренессансного, часто оказываются все-таки снова пять веков! От VIII до XII в., до и после "средневековость" уже под сомнением.

Итак, "эпохи" и "века" из хронологического подспорья становятся содержанием исследования, и никого уже не удивит, если ученый ставит перед собой задачу заняться выявлением характерных особенностей философии или искусства или менталитета такого-то века. Мы свыклись и с другим. С тем, что результатом исследования какого-то исторического лица, поэта, художника, ученого оказывается вывод, что он принадлежал своей эпохе. Скажем, Каллимах следовал принципам эллинистической поэзии. В свое время для выделения периода эл-

линизма как качественного единства исторической жизни послужило в частности и творчество Каллимаха. Немудрено затем сызнова найти в нем те черты, которые от него и были отвлечены. Каллимах, конечно, вполне случайный пример. Но сотни выводов в сотнях трудов, состоящие в том, что в средневековом человеке и душа, и одежда, и мысли - средневековые, а в эллинистическом - эллинистические, — что это, если не превращение строительных лесов в конечный результат исследования?

Периодизация как явление науки имеет творческую фазу - момент выделения периодов и эпох, - но и другую фазу, неминуемо следующую за признанием данной периодизации научной общественностью, - фазу порочного круга. В этой фазе исследование явления сводится к доказательству того, что оно есть явление того периода, в котором находится. Во времена республики культура республиканская, а во времена империи, как можно догадаться, имперская. И уже фрондой выглядит книжка "Ренессанс до ренессанса" или оценка мыслителя как античного человека в средневековье. В творческой фазе периодизация есть нечто весьма приблизительное, без претензий на то, что в рамках выделяемого периода его качеством пропитана вся толща синхронной ему жизни. Но затем, в следующей фазе, плен времени уже не знает исключений: словно само время, меняя цвет (вспомним "золотые" и "серебряные" века), окрашивает все в своем потоке. И тогда уже нужен недюжинный заряд свободомыслия, чтобы сказать: жанр эпиграммы не реагировал на смену литературных эпох, или: риторическая культура, невзирая на религиозные или формационные различия, просуществовала с IV в. до н.э. до XVIII в.

В целом здесь нет ничего нового для осознания существования науки: одно поколение успешно созидает то, что будет героически ломать следующее. В данном случае дело несколько осложняется: во-первых, необычной мерой онтологизации условности, во-вторых, глубокой и не вполне осознаваемой мифологичностью, космизмом, накладываемым на человеческую историю, и наконец, взаимодействием со сферой очень отличной от науки — со сферой образования, где мифологизм и неотличение инструмента от объекта — вещи почти неизбежные.

В дополнение к этим заметкам, мне хотелось бы привести несколько примеров того, как историческое знание "спускается" в образовательную сферу (по аналогии с тем, как профессиональное искусство спускается" иногда в фольклор). В настоящее время историческая наука в России переживает - насколько это позволяют наличные силы историков - период скорее творческий: смена идеологических парадигм ведет к пересмотру периодизации русской истории, особенно связанной с Октябрьским переворотом 1917 г. Вне России попытки обнаружить особую "историю женщин" (herstory) или историю взаимоотно-

шений человека с окружающей средой тоже должны приводить к совершенно новым членениям временного потока. Однако я избираю материал уже остывший — русские учебники всемирной истории прошлого и позапрошлого века. Это позволит мне проиллюстрировать свои соображения, не рискуя ввязаться в профессиональную дискуссию по поводу каких-нибудь современных периодизаций, что, как явствует из всего вышеизложенного, не может быть моей задачей. Итак, я беру только несколько изолированных "проб", изымаю их из их собственного исторического контекста и из той историософской и богословской традиции (скажем, традиции "четырех монархий"), к которой они относятся, чтобы смотреть на них равнодушно веселым взором фельетониста, уготованным в будущем и нашим самым серьезным периодизациям.

Хорошая история - простая история

Для учителя легкость исторической книги для усвоения, если и не главная ценность, то что-то очень к ней близкое. Конечно, речь идет тут не только о периодизации. Но ведь всем понятно, что неравные и маленькие, словом, "некруглые" периоды (в самой этой *круглости* дат снова мерещатся вращающиеся небесные тела и шарообразные или яйцевидные архаичные космосы) - это настоящее наказание.

По этому поводу ясно высказался барон Людвиг Хольберг - знаменитый датский просветитель и автор переведенного с латыни для просвещения уже русского юношества "Сокращения всеобщей истории с вопросами и ответами". С 1766 по 1808 гг. книга выдержала три издания. Он сказал так: "Чтобы дети, читая постоянно и не урывками исторические повествования, тверже оные в памяти содержать могли, за наиспособнейшее признано всю историю заключить под четыремя монархиями, дабы они сим способом наподобие одного тела были соединены".

Итак, история начинается вместе с монархией, до монархий еще не история, это "время" с эпитетами: Время Неизвестное - история до потопа и Время Баснословное, т.е. до Олимпиады. А "историческая" история — это история четырех монархий: Ассирийской, Персидской, Греческой и Римской. При этом, однако, вся Священная история из схемы выпадает и рассматривается отдельно по своим частям и периодам, согласно библейскому повествованию. Напрасно будем мы вспоминать о греческом полисе или об изгнании царей из Рима. Для Хольберга вся история Греции до Александра - это только увертюра. Афины и Спарта - отнюдь не образцы демократического устройства и культурного процветания в одном случае или воинской доблести в другом. Если даже и были эти расцветы и эта доблесть, то смысл их в том, что обладатели этих прекрасных вещей нашли в них повод возгордиться, чтобы затем неизбежно пасть в руки владыки. Ища достаточно крупные и потому удобные для запоминания исторические меры, можно пренебречь демократиями всех сортов, ведь, по мнению автора, они не просто пре-

ходящи, но и недолговечны. "Наскучив от сих не порядков, узнали, что худому состоянию республики никак пособить не можно, как только препоручением одному верховной власти". Республиканские порядки - не более чем рябь на поверхности автократического океана. Монархия изначальна, и пусть даже в Риме появляются два консула, однако, власть их столь обширна, что они мало разнятся от царей. Интересно узнать от Хольберга, что "знатный шляхтич Брут" и не думал, изгнав Тарквиниев, отдавать власть простому народу: "Невероятно, чтобы ... царей с опасностью своей жизни свергли для того, дабы плодом сего отважного предприятия и труда подлый народ мог пользоваться".

Есть способы организации периодов еще более емкие и наглядные, чем даже замечательные четыре монархии. Это простейшая дихотомия, когда в центре истории оказывается важнейший смысловой акт, а все остальное располагается, как время до этого акта и после него.

Простейшая дихотомия. До... и после...

Сочинение С. Смарагдова "Руководство к познанию древней истории", предназначенное для средних учебных заведений, выдержало за 19 лет (1840-1859) семь изданий.

Поскольку нет такого события в человеческой истории, которое всеми наличными на планете людьми равно признавалось бы центральным, для выделения такого события, необходимо часть народов вывести за скобки истории. Это делается очень просто: народы делятся на исторические и неисторические, и к историческим относятся те, которые "своею жизнью осуществили какую-нибудь идею развития". Автор заявляет, что всегда есть "главный народ", который оканчивает самостоятельное существование после достижения назначенной провидением цели. Кажется, эта аксиома необходима прежде всего, чтобы объяснить роль иудейского народа, не языческого, но и не христианского, рассеянного вскоре после отвержения христианства.

Ведь центральное событие истории - это явление Божества на земле перед человеком. Все прежде этого - *древняя история*, т.е. период господства природы над неразвитым разумом и благоговения перед природой, ведущего к ее обожествлению, т.е. язычеству. Древние народы, "омраченные язычеством", не могли постигнуть божественных истин христианства и потому, когда "природа и судьба покорились небесным светом озаренному разуму", они должны были уступить свою историческую значительность новым и свежим народам, германского и славянского племени. Само христианство одержало победу над язычеством только тогда, когда оно приняло в лоно свое сии новые народы, разрушителей всего древнего". Десять веков *новой истории* от 476 г. до XVI в. - это почитание истинного Бога и постепенное обретение господства человеческого разума над природой.

Кроме дихотомии и выделения вытянутых в ряд монархий, возможно и другое достаточно удобное построение — это объединение ма-

лых периодов в большие, чтобы погасить в замкнутости круглых цифр неказистую дробность исторических событий, и идея циклического возвращения внутри большого периода к его исходной точке.

Циклизм. Зоны. Круглые цифры

Возьмем еще одну учебную книгу, выдержавшую в Петербурге с 1848 по 1856 г. четыре издания: *Зуев Н.И.* Руководство к познанию всеобщей истории: Гимназический курс.

Деятельность людей частная и общественная после грехопадения представляет картину усилий человеческого рода по *возвращению* к первобытному совершенству. У народов, принявших слово Божие, история исполнена счастливых результатов к достижению совершенства, а история народов, не принявших его или не всегда соблюдавших святое учение, представляет собой цепь заблуждений. Иными словами, циклически и те и другие, только одни движутся к райскому состоянию, а другие постоянно возвращаются в точку грехопадения.

"По различию начал, служивших человечеству в разные времена пружиною частной и общей деятельности, всеобщая история разделяется на три части: Древняя, Средняя и Новая" (правда, и здесь из всеобщей истории опять-таки выпадает Священная). В хронологии древнего мира, которую приводит для гимназистов господин Зуев, округлость и фантастичность цифр стоят друг друга:

- начало мира — 2000 - Авраам, Египет, Финикия.
- 2000 - 1550 - пеласги, основание Аргоса и Сикиона (???! - *Н.Б.*)
- 1550 - Кекропс, Данай, Минос.
- 1200 - Троянская война.
- 1000 - начало республики в Греции, Ликург, Олимпийские игры.

Средняя история начинается Рождеством и длится 1500 лет, до начала Реформации - это история христианского мира, борьба его с язычеством и магометанством.

А новая история от начала XVI в. представляет непоколебимость православия и распадение западных церквей, в политическом же отношении - напротив - сближение всех государств для утверждения международной справедливости и безопасности.

В периодизациях, более близких тому, к чему привыкли обучавшиеся в советской школе, т.е. учитывающих точные некруглые даты признаваемых "поворотными" событий, и в целом несколько более здравых, нежели приведенная выше "экзотика", тем не менее проступают и стремление к круглым цифрам и к циклам и к онтологизации или даже персонификации веков, каждого со своим "лицом". Предшественником века "со своим лицом" является, как мне кажется, обозначение астрономического периода как века какого-нибудь исторического лица, скажем, "век Перикла".

Век-Персона

Переводная с немецкого история Шрекка выдержала в 1820-1836 гг. семь изданий (*Шрекк Т.М.* Древняя и новая история для обучения юношества. СПб.). Здесь мы встречаемся с привычным счетом по пятеркам и десяткам.

Древняя история занимает период от начала времен до V в. по Р.Х., затем идет новая история, простирающаяся вплоть до времени самого Шрекка, но в этой большой новой истории, есть средняя, и она, разумеется, занимает период от V в. до XV, с XVI в. начинается история новейшая. Священная история с ее событиями и датами вмещивается и тут, давая имена древним периодам. Причем именно принцип обозначения эпох, сопровождаемый мифическими или реальными датами (мы их опустим), фактически не знает исключений. Итак:

1. От сотворения мира до потопы; 2. От Ноя до Моисея; 3. От Моисея до Ромула; 4. От Ромула до Кира; 5. От Кира до Александра; 6. От Александра до Иисуса Христа; 7. От Иисуса до Феодосия; 8. От Феодосия до Магомета.

Если периодизация в популярной исторической книге будет очень мудреной и абстрактной, если она пренебрежет не историческими реалиями, а округлостью цифр, ее скоро забудут, а такой учебник будет выброшен с законным негодованием и отвращением.

Неудобная история обречена

Весьма любопытную книжку о всемирной истории выпустила «Общепольная библиотека "Родина"» в Петербурге в 1902 г. Историческая концепция строится здесь на дарвинистском тезисе о борьбе как условии движения и развития. Эта общая идея объединила естественную и человеческую истории, но борьбу классов еще не освоила. Человек оказывается прирожденным борцом в борьбе всех против всех. Борьбе за сохранение вида сопоставлена борьба за выживание рода или народа. Соответственно выглядит и периодизация:

1. Период борьбы за существование. Время доисторическое с появления человека и кончающееся за пять тысяч лет до н.э.

2. Древняя история - период восточно-западной культурной борьбы от египетских начал до переселения народов (4000 лет до Р.Х. - 375 г. по Р.Х.) — всего 4375 лет.

3. Романо-германская культурная борьба. От переселения народов до Реформации (375-1517 гг.) - всего 1150 лет (это и есть "средние века").

4. Христианская культурная борьба. Новое время от Реформации до Французской революции (1517-1789 г.) - всего 275 лет.

5. Период научной или умственной и национальной культурной борьбы. Буржуазный период.

В этой схеме исторического процесса много нетривиального и "неудобного". Правда, и тут, при реальных датах периодов, нет периода такой длины, который бы не был кратен пяти. Однако это уже только

слабый рефлекс круглой "космогонической" периодизации, оказавшийся недостаточным для того, чтобы подобная учебная книга по истории сама не погибла в борьбе за выживание. Она не переиздавалась.

"Округлыми" датами, мерностью, ритмом и гладкостью популярная и школьная история обгачивает и приручает историческое знание, не позволяя ему порвать с породившей его мифологической стихией. Мнемоническая и педагогическая прагматика оказываются в неосознанном, но и тем более прочном союзе с кубиками и шариками Мировой Глупости, Гераклитова Зона, играющего дитяти...